

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О БОЛГАРАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Иван ДУМИНИКА

Великотърновский университет «Св. св. Кирилл и Мефодий», Болгария;
Молдавский государственный университет

INFORMAȚII ISTORIOGRAFICE DESPRE BULGARII DE PE COASTA DE NORD A MĂRII NEGRE LA SFÂRȘITUL SECOLULUI AL XVIII-lea

În articol sunt analizate lucrările care au abordat acest subiect luat ca tematică. Autorul reflectă dispute istoriografice referitoare la problema privind emigrarea bulgarilor la sfârșitul secolului al XVIII-lea și stabilirea lor ulterioară în sudul Malorosiei și pe teritoriul dintre Prut și Nistru. Sunt prezentate lucrări care reflectă colonizarea civilă și militară a regiunii. Sunt prezentate opiniile școlilor istorice cu referire la problema privind participarea voluntarilor bulgari în formațiunile de husari și în cadrul acestora în războaiele ruso-turce. Autorul scoate în evidență și dezbateri ce reflectă dezvoltarea social-economică a emigranților bulgari. Ca obiect de cercetare a istoricilor a devenit și legislația țaristă, cu ajutorul căreia erau atrași și stabiliți coloniștii transdanubieini. Se face referire și la atestarea primelor așezări ale bulgarilor pe teritoriul dintre Prut și Nistru. Sunt trecute în revistă argumentele cercetătorilor asupra problemei cu privire la periodizarea etapelor de emigrare, datarea primelor colonii, dar și stabilirea satelor din Bulgaria de unde au fugit bulgarii. Sunt trasate concluzii asupra unor probleme puțin prezente în istoriografie sau care în general nu se regăsesc, deocamdată, în cadrul acesteia.

Cuvinte-cheie: bulgari, emigrație, Basarabia, Coasta de Nord a Mării Negre, colonie, istoriografie.

HISTORIOGRAPHICAL INFORMATION ABOUT THE BULGARIANS NORTHERN BLACK SEA COAST IN THE LATE 18th CENTURY

The article contains analyzes of works concerning the subject. Problems are discussed thematically. Thus, the author reflected the historiographical debates on the causes of migration of Bulgarians in the late 18th century, their further life order in the south of Malorussia and the territory between Prut and Dniestr. There are presented works which reflect the popular and military colonization of the region. Are allocated the views of historical schools on the participation of the Bulgarian volunteers in royal hussar regiments and active actions hed by them during the Russian-Turkish wars. Are also reflected discussions on socio-economic development of Bulgarian immigrants. Royal legislation on the issue of Bulgarians' attracting and relocating has become one of the research problems here. There are listed severe discussions regarding the question of the first attestation of the Bulgarians between Prut and Dniester. Author presents arguments of some researchers on the issue of periodization of the Bulgarians resettlement dating from the first settlements, as well as their starting points in the Bulgarian lands. Conclusions concern problems that are poorly or not at all represented in the historiography.

Keywords: Bulgarians, emigration, Bessarabia, Northern Black Sea coast, colony, historiography.

Вопрос переселения и устройства иммигрантов из болгарских земель на территории Северного Причерноморья в конце XVIII в. нашел свое отражение в различных исследованиях, статьях, публикациях и заметках этнографического, статистического, краеведческого и исторического характера. Сразу же оговоримся, что под понятием «Северное Причерноморье» мы подразумеваем название северных земель бассейна Черного моря, расположенных на территориях современных стран – Республики Молдова, Украины, России и Румынии. Прежде всего, остановимся на некоторых работах, затрагивающих вопрос более ранней аттестации присутствия здесь болгар. Освещая период до XVIII в., болгарские исследователи П.Атанасов, И.Богданов, П.Бойчева, Д.Райков, П.Русев и А.Давидов затрагивают в основном вопросы культурного взаимодействия болгар и соседних народов посредством распространения болгарской церковной литературы и деятельности представителей болгарского духовенства в Дунайских княжествах и России [70; 3; 68; 12; 11; 67]. Российские историки Н.Капчерев и А.Муравьев лишь частично, но упоминают о некоторых представителях болгарского происхождения, находившихся на службе при императорском дворе [39; 58]. В свою очередь, болгарские исследователи В.Трайков и Н.Жечев в работе «Българската емиграция в Румъния XIV в. – 1878 г.» остановились на

освещение «жизни болгарской эмиграции в Валахии», тогда как болгарам Молдавского княжества почти не уделено внимания. Это, по мнению авторов, задача для последующих исследований, когда будут изучены архивные документы, хранящиеся в архиве города Яссы [74, с.11]. В многотомном энциклопедическом труде «История на България» переселение данного периода также рассматривается в общем плане для Валахии, Молдовы и Трансильвании. Практически отсутствует информация о болгарях в Буджаке [33, с.240-251]. Одним из первых, кто специально остановился на проблеме иммиграции болгар в Пруто-Днестровское Междуречье в XV – начале XVII в., был российский историк С.Муртузалиев. Этому вопросу была посвящена его статья, которая, впрочем, основана лишь на уже изданных документах и публикациях. Все же его заслуга состоит в том, что он сумел систематизировать и дать должный анализ этим источникам [59, с.74-82]. Скудность информации о болгарях этого периода в пределах Российской империи объясняет болгарский исследователь А.Андреев. В своей статье он утверждает, что в XVI–XVII вв. в России все восточнославянские народы наделялись термином «греки», который в нашем случае отражал не этническую, а религиозную принадлежность, т.е. подчиненность греческой церкви. Несмотря на это, основываясь на архивных документах, а также путевых заметках болгарских духовников, исследователь приходит к выводу, что в этот период на территории Российской империи проживали, в основном, болгарские духовные лица и торговцы. Утверждается также, что в Малороссии уже в XVII в. была образована болгарская колония, куда часто поставлялась болгарская религиозная литература [1, с.84-85, 91].

Более полно описано переселение болгар в Северное Причерноморье в последующий период, т.е. в XVIII веке. Вопросы, касающиеся этой проблемы, можно разделить на несколько категорий: это народная и военная колонизация в пределах окраин России, и в особенности на южной Украине, а также заселение и обустройство болгар в Междуречье Прута и Днестра.

По поводу причин переселения болгар в данный период в историографии существует несколько мнений. Основной мотив сводится к нежеланию болгар смириться с османским гнетом и к опасениям репрессий со стороны властей из-за участия в боевых действиях царских войск [72, с.5; 29, с.512; 40, с.296; 73, с.17; 3, с.52-53; 37, с.43; 49, с.158].

О том, что грабежи и насилия разбойничьих банд кэрджалиев, междуусобицы местных турецких феодалов были основной причиной, вынудившей болгар к бегству к северу от Дуная, говорят К.Иричек, Н.Начов и В.Мутафчиева [32, с.375; 61, с.17-25; 60, с.416].

И.Мещерюк, С.Димитров, К.Манчев и А.Ганчев считают, что экономическое положение Османской империи явилось фактором переселения болгар. В частности, они придерживаются точки зрения, что втягивание Османской империи в XVIII в. в европейский капиталистический рынок и расширение товарно-денежных отношений вели к реформированию старых экономических норм и к замене их новыми. Эти процессы привели к увеличению налогов и усилению экономического гнета. Особенно это прослеживалось там, где были сосредоточены важные порты и крепости и проходили военные и транзитные пути в Добруджу и Россию, поэтому, по мнению упомянутых авторов, болгарское население этих территорий особенно сильно подвергалось ассимиляции и насилию со стороны турок [46, с.22; 21, с.9-10; 15, с.13]. В данном контексте интерес представляет и мнение болгарского историка В.Дяковича. Он указывает на три причины, приведшие к переселению болгар: это «тяжелое положение под османским игмом (злоупотребление налогами, работоторговля, ущемление религиозной свободы, разбои, насилия и грабежи османских янычар), народные восстания, войны Османской империи с другими державами» [27; 66]. Эксплуатация богачей-чорбаджиев, преследование турецких чиновников и грабительские набеги разбойников, по мнению В.Зеленчука, являлись основными внутриосманскими факторами, генерировавшими процесс переселения болгар в конце XVIII в. [30, с.65].

Аналогичная причина выявляется и у болгарских переселенцев из пределов Габсбургской империи. Их миграцию в Россию украинский историк В.Мильчев объясняет рядом причин. По его мнению, каждая из них была настолько весомой, что именно она могла стать решающей. Это «невыполнение австрийским правительством обещанных в конце XVII в. привилегий; отчаяние болгарских поселенцев в возможности освобождения Габсбургами их этнических территорий на Балканах; притеснения католичества, особенно иезуитов; стремление окатоличить или обратить в унию православных болгар; наступление местных феодалов, которые желали закрепить болгар; крайне жесткая дисциплина, насаждавшаяся австрийским военным командованием в ландмилицейских полках, что приводило к

противостоянию балканцев с немцами» [48, с.27]. Со своей стороны, болгарский исследователь И.Тютюнджиев усматривает в бегстве болгар в пределы России четыре причины: во-первых, это давление со стороны венгерских католиков, которые мстили болгарам за их участие в подавлении венгерского восстания 1703–1711 гг.; во-вторых, усиление влияния России среди православного мира (после покорения Азова в 1696 г.), что способствовало переселению болгар в пределы восходящей империи; в-третьих, болгары перестали надеяться (после заключения Карловицкого мира 1699 г.) освободить свою родину с помощью Австрии, и, в-четвертых, поворотным моментом стало для болгар объявление Россией войны Порте 25 февраля 1711 г. Тогда 3 марта Петр I обратился с манифестом за помощью к балканским народам, обещая им свободу. Автор также выражает уверенность, что в переселении болгар именно в Россию была заинтересована и Австрия, так как она видела в ней своего эвентуального союзника в борьбе с Портой [75, с.132]. Ст.Дойнов, в свою очередь, усматривает в переселении австрийских болгар главным образом результат агитационной миссии русских агентов [22, с.27].

Другая причина сводится к планомерной политике России по колонизации своих малозаселенных и необработанных южных окраин. Как одно из следствий этого процесса, произошло образование двух административно-территориальных единиц на востоке и западе Малороссии. Основываясь на общей религиозной и этнической принадлежности балканских народов, проживавших там, эти единицы получили название Новосербия и Славяносербия. Эту точку зрения поддерживают также исследователи Г.Писаревский [64, с. 338-340], Н.Державин [19, с.29] В.Кабузан [36, с.45-78], С.Бернштейн [10, с.46], А.Гарабедян, Р.Комсалова [16, с.150] и В.Мильчев [50, с.30-42]. Последний добавляет, что немалую роль в привлечении болгар сыграли обещанные привилегии. Так, в условиях Османской империи, когда крестьянское население было юридически подневольным, обещанные права и привилегии «казались для них манной небесной» [50, с.33]. Для примера приводятся болгары из с. Долни Богров, предместье Софии, переселение которых в 1765 г. в Киевскую губернию не было связано с итогами русско-турецких войн; здесь на первый план выступало желание «повысить свой юридический статус и экономическое состояние, что гарантировали царские привилегии» [50, с.34]. В то же время исследователи В.Шишмарев и Е.Белова склонны видеть причину народной колонизации в экономических факторах. Так, по их мнению, развитие промышленности в сильнозаселенных центральных районах выдвинуло вопрос о расширении площадей для хлебопашества за счет новых земель юга. Это, по их мнению, подвигло правительство принять спешные меры по скорейшему освоению пуштовавших степей [82, с.29-30; 9, с.56].

О совокупности экономических и политических причин, заставивших болгар покинуть родные пределы, говорят и молдавские болгаристы И.Грек и Н.Червенков [17, с.11]. Исследователь Д.Димитров попытался систематизировать причины переселения болгар, отметив, что они стали жертвами не зависящих от них обстоятельств, вызванных к жизни глобальным противостоянием двух империй – Османской и Российской. Первая из них, эксплуатируя и угнетая болгарский народ, вынуждала его покидать отчизну, а вторая – Российская, в поисках для себя одновременно политических и экономических выгод, поощряла болгар селиться в её пределы, используя их затем по своему усмотрению [20, с.8].

По поводу военной колонизации болгарская исследовательница Румяна Михнева указывает на желание некоторой части болгар поступить на военную службу. Как правило, их зачисляли в полки, охранявшие южные рубежи Российской империи. Автор заключает, что к этому их подвигало не только желание спастись от османского ига, но и «стремление к действиям против османского владычества в пользу начинавшейся тогда возрождаться национальной идеи» [57, с.75]. Исследовательница Е.Белова отмечает, что миграция балканских народов на территорию Южной Украины в 50-е гг. XVIII в. носила преимущественно военный характер. По ее мнению, правительство Елизаветы Петровны, создавая военные поселения, решало две важнейших задачи: во-первых, поставить заслон на границе; во-вторых, оградить данную территорию от запорожцев, чей политический и социальный статус мешал проведению централизованной политики [9, с.50]. Со своей стороны В.Мильчев усматривает в военной колонизации несколько причин внешнего и внутреннего характера: во-первых, это внешнеполитический курс Российской империи, который был направлен на ликвидацию турецко-татарского влияния в Северном Причерноморье и надежную защиту своих южных границ; во-вторых, царизм стремился противопоставить военные земледельческие формирования запорожским казакам из

южно-украинских районов, и, в-третьих, колонизация была обусловлена желанием к переселению южнославянского населения Баната, которое не было довольно тем, что австрийское правительство не соблюдало их прав [53, с.10; 47, с.154].

В историографии приводится информация относительно устройства болгарских переселенцев. Историк Ст.Дойнов на основе архивных материалов представил картину образования первых военно-земледельческих поселений в Новороссийском крае. По его данным, их основу составляли гусары и пандуры, занимавшиеся военными и хозяйственными делами. Автор заключает, что несмотря на привилегии, которыми пользовались болгары, их жизнь была сложной, так как им приходилось участвовать как в укреплениях крепостей, так и в военных действиях вдали от своих селений [24, с.273-282; 22, с.39-52]. Исследователи В.Шишмарев и В.Мильчев подробно описали процесс переселения болгар из села Алфатар, близ болгарского города Силистра, в 1774 г. в пределы Южной Украины. Отражены все тяготы, которые испытали беженцы в пути [82, с.52-60; 49, с.157-168]. М.Гавазов описал последовавшее устройство этих болгар в селении Ольшанка [14]. Положение болгар в Киевской губернии, и в особенности тех, кто проживал в старейшем из болгарских сел Украины – Борщаговке, описывает В.Мильчев. Он исследует обстоятельства возникновения этого села. На широком материале исторических источников, в первую очередь архивных, им были выяснены причины, ход и условия переселения жителей села Богданов Дол, что в Западной Болгарии, на новое место. Автор заключает, что хотя это поселение имело сельскохозяйственную ориентацию, желающие могли в соседнем Киеве записаться в разряд мещан и купцов [50, с.38-39]. Существенно, что В.Мильчев на основе архивных данных установил более раннюю дату образования этой колонии – она сводится к 1765 г. [54, с.212]. Со своей стороны Г.Аствацатуров, пользуясь источниками, показал положение болгар Левобережья Днестра. Он указал и на неизученный аспект этой темы, заключающийся в бегстве жителей Тираспольского уезда на правый берег Днестра. Он впервые обратил внимание на то, что этот процесс нельзя рассматривать лишь как страх крепостного права, но как недовольство различными денежными и натуральными податями. Он же уточняет, что неустойчивость национального и численного состава в Левобережном Поднестровье в конце XVIII в. объясняется отсутствием у царского правительства четкой программы заселения вновь приобретенных земель. В то же время им признается, что подобные неудачи обусловили принятие целого пакета вполне конкретных указов по устройству болгар [2, с.83-84].

Положительную роль болгарских переселенцев в развитии аграрной инфраструктуры Южной Украины отразили В.Мильчев и Ст.Дойнов. Последний отметил, что на новых территориях болгары проявили свой интерес к земледелию, и в особенности к форме землевладения. Отмечается заинтересованность царских властей в интенсивном освоении целинных степей и в дальнейшем привлечении к этому процессу переселенцев. По мнению исследователя, это являлось главной причиной того, что царское правительство не распространило крепостное право на болгарских переселенцев. Более того, в первые неурожайные годы государство всячески поддерживало болгарского сельскохозяйственного производителя. Со своей стороны В.Мильчев указал, что благодаря болгарам здесь появляются новые сорта злаков, фруктов, овощей и ягод, а также не известные до того времени породы скота и методы его выращивания. Особо он выделял вклад болгар в развитие виноградарства и огородничества, а также отмечал, что ввиду привезенных сюда новых сортов злаков юг Украины превратился в самый крупный центр по производству товарного хлеба [55, с.214; 52, с.435-443; 22, с.176-178].

Затронут в историографии и вопрос участия болгар в царских военных подразделениях. Исследователь В.Мильчев, основываясь главным образом на архивных данных, выявил два болгарских гусарских полка (Болгарский и Македонский) в составе Новосербского военного корпуса [49, с.77]. Официальное разделение полков на Болгарский и Македонский дало основание македонскому историку А.Матковски утверждать, что это «два различных национальных формирования: болгарский и македонский» [45, с.260]. Это, по нашему мнению, не соответствует реальности. Так, В.Мильчев на основе источников показал, что основной контингент этих полков составляли ольшанские болгары [49, с.77]. Г.Занетов и С.Пишчевич отмечают, что в состав этих полков входили болгары из различных регионов болгарских земель. Так, в Болгарском полку преобладали переселенцы из Молдовы, Венгрии и Польши, а в Македонском – из юго-западных болгарских земель [28, с.849-898; 65, с.373-474]. По мнению И.Тютюнджиева, в Македонском полку преобладали влахи (арумыны) – переселенцы из Македонии, и «вероятнее всего, этот фактор и повлиял на различные названия двух полков» [75, с.134]. М.Костич

говорит о том, что ввиду единого этнического происхождения военных часто переводили из Болгарского в Македонский полк и наоборот [44, с.90]. В.Хевролина называет эти формирования «однонациональными военными частями», подразумевая, что речь идет о болгарях [78, с.209]. Болгар среди гусарских полков выделяют также В.Кабузан, Ю.Дегтярев и Т.Кандаурова. Авторы, в основном, опираются на статистические данные об этническом составе этих военных формирований [36, с.54; 18, с.230-231; 38, с.97-99]. В свою очередь И.Тютюнджиев и Ст.Дойнов показали участие гусарских полков в военных действиях русской армии на территории Дунайских княжеств и болгарских земель. Не осталось без внимания и участие болгарских добровольцев на стороне царизма в борьбе с османским господством [75, с.135; 24, с.211-229]. В этом же контексте болгарский историк К.Калчев говорит о 3 000 добровольцах во главе с болгаринном полковником Назаром Каразиным, участвовавших в русско-турецкой войне 1768-1774 гг., а затем мигрировавших в пределы Российской империи [37, с.42].

Украинский историк Ф.Шевченко отразил финансовое состояние болгарских военных, придя к выводу, что в отличие от военного командования, которое получало от 1200 до 1800 рублей в год, простые солдаты за тот же период получали мизерные деньги – 36 рублей. Это вынуждало многих оставлять военную службу и заниматься земледелием [81, с.69]. В таком ключе мыслит и В.Мильчев, отметивший, что болгары могли рассчитывать на особый статус – военного поселенца, лишь тогда, когда в Северном Причерноморье была напряженная обстановка, в противном случае их переводили в категорию простых земледельцев [51, с.79].

О болгарях среди украинских казаков в Бугском казачьем войске и в Задунайской сечи, а также об их участии в военных действиях, написали историки Ф.Шевченко, А.Бачинский и Е.Бачинская. Они оценили их боевые качества, а также сообщили о последовавших льготах, на основании которых болгары обустроили свои поселения на территории Херсонского уезда [81, с.67-86; 7, с.30-31; 8, с.283-286].

Царское законодательство, затрагивавшее вопросы привлечения и устройства болгар, также явилось объектом исследования. Историк Е.Белова предприняла анализ русских законодательных актов, в которых речь шла о болгарях-переселенцах. Она приходит к выводу, что хотя первые указы и поощряли иностранную колонизацию, однако не регулировали денежные отношения между государством и первыми колонистами. Отсутствие четко выработанной программы по привлечению и обеспечению поселенцев привело к необоснованной трате средств из государственного бюджета [9, с.75]. Исследователь В.Синица подробно останавливается на законах, регламентировавших статус военных поселенцев. Он приходит к выводу об их выгоде для болгар, так как они предоставляли им широкие права и привилегии, что обусловило активное участие болгар в военных формированиях [71, с.14-18]. Исследовательница А.Бажова также видит положительную сторону царских законов, затрагивавших колонистов. В особенности она выделяет Указ императрицы Елизаветы Петровны от 24 июля 1752 г., согласно которому две переселенческие области объявлялись бестамуженными экономическими зонами. Это означало, что колонисты могли продавать свой товар русским купцам по высокой цене. Тем самым, заключает автор, царское правительство было заинтересовано, чтобы переселенцы более усердно обрабатывали свои надель. В свою очередь, В.Мильчев указывает на отрицательные стороны некоторых законов, особенно тех, которые были изданы в 1767 г. По его утверждению, в экономическом плане они навязывали прежде всего болгарам Киевской губернии так называемую круговую поруку, а также ограничивали свободу передвижения. Это, по мнению автора, тормозило развитие производственных сил колонистской общности [50, с.39-40].

Правовой статус, права и льготы иммигрантов, которые определялись целым рядом ордеров, указов, манифестов и законов, проанализировал С.Петков. Он пришел к выводу, что льготная политика в отношении иностранных переселенцев диктовалась политическими целями, стоявшими перед правительством и способствовавшими укреплению позиций Российской империи в Северном Причерноморье [63, с.19-21].

Касательно вопроса о первой аттестации болгар в Бессарабии, в историографии существует несколько мнений. Самую раннюю дату называет С.Муртузалиев, отмечая, что еще с целью заселить обезлюдившие завоеванные территории османский султан переселял туда болгар. Так, по его мнению, произошло в 1484 г., когда в крепости Килия были обустроены болгары из города Силистра. Им надлежало заниматься рыболовством и платить за это налоги османской казне [59, с.77]. Исследователь С.Бернштейн считал, что самые ранние сведения о болгарях в Буджаке стоит относить к середине

XVII в. Его утверждение основывается главным образом на описании путешествия антиохийского патриарха Макария, который в 1657 г. в г. Измаиле отметил среди проживавших там народов и болгар [10, 45]. В то же время Д. Минчев отмечает, что первые болгарские переселенцы проникают в Бессарабию в 1752 г. [89, с.7], тогда как Г. Занетов и В. Дякович считают, что появление болгар в Буджаке произошло между 1752 и 1753 гг., когда 70 болгарских семейств основали селение Чешма [28, с.5; 27, с.78]. Между тем И. Нистор датирует это время 1769 годом [91, с.94]. Эту дату подтверждают также Г. Мунтяну-Мургоч [90, с.20] и И. Попеску [92, с.110]. Известный исследователь истории Днестровско-Прутского Междуречья в XVIII в. Д. Хайдарлы также придерживается мнения о раннем проникновении болгар в Буджак. В одной из своих статей он отмечает, что имеющиеся источники позволяют ему судить о том, что группа «задунайских переселенцев скорее всего поселилась здесь до русско-турецких войн 1768-1774 гг.». Более того, по его утверждению «переселенцы из Болгарии осели в селении Волканешты в 1732 г.» [77, с.488]. Со своей стороны, российский ученый А. Скальковский утверждает, что первым официальным упоминанием о болгарских выходцах в Бессарабии следует считать промежуток 1769-1791 гг., когда болгары поселились в крепостях Килия, Бендер, Аккерман и Измаил, в городах Кишиневе и Рени, на землях молдавских бояр и «вместе с ногайцами в кышлах» [72, с.4-5. Подробнее о его биографии и творческой деятельности см.: 25, с.101-113]. Позднее это мнение поддержали Н. Державин и А. Арборе [19, с.10; 85, с.10]. Тогда как А. Клаус уверен, что именно с 1760 по 1791 г. болгары впервые переселяются в Бессарабию. Он связывает этот период с началом «безостановочного, более или менее значительного переселения татар из Бессарабии в Турцию» [40, с.296]. В свою очередь Г. Писаревский связывает появление болгар с русско-турецкой войной 1787-1791 гг. Тогда, по его мнению, на левом берегу Днестра была поселена 831 семья болгар, но так как из них 51 семья бежала в Молдавское княжество, все «сомнительные и склонные к побегу болгары в числе 287 семей были переведены на левую сторону реки Буг» [64, с.338]. Со своей стороны, З. Арборе отмечает, что «перейдя Дунай, болгары остановились в Молдавском княжестве, откуда позже, между 1789-1791 гг., с разрешения господаря перешли в Бессарабию» [85, с.101]. Румынский историк Шт. Чобану вообще считал, что мнение о переселении болгар в Буджак во второй половине XVIII в. не имеет серьезного обоснования, так как переселенцы не могли жить рядом с ногайцами, являвшимися мусульманами и союзниками османов, и скорее всего первое проникновение болгар в Междуречье Прута и Днестра можно датировать периодом 1806-1812 гг., когда ногайцы были эвакуированы оттуда [86, с.35].

Стоит отметить, что в исторической науке была предпринята попытка периодизации массового проникновения болгар в Бессарабию в XVIII в. Так, А. Скальковский делит процесс переселения болгар на два этапа. Они совпадают с периодами ведения русско-турецких войн 1769-1774 гг. и 1787-1791 гг. [72, с.12]. Болгарский исследователь Й. Титоров соглашается со А. Скальковским, указав лишь, что второй период оканчивается годом позже, т.е. 1792, а также добавив еще и третий период переселения, сводящийся к 1792-1804 гг. Последний этап он назвал «кърджалийски времена», т.е. период, когда в болгарских землях заправляли разбойничьи банды местных феодальных владетелей [73, с.14]. Исследователь С. Бернштейн связывает переселения с событиями истории России второй половины XVIII века. Первый этап сводится к 1752-1754 гг. Второй и третий этапы связываются с русско-турецкими войнами 1768-1774 гг. и 1787-1791 гг. [10, с.47-48]. Представляет интерес подход, предложенный А. Шабашовым. Признавая наличие двух этапов, отмечаемых С. Бернштейном, автор поставил задачу определить, «было ли в тот период два или только одно значительное, а другое «немассовое» переселение». Основываясь на имеющихся свидетельствах, он утверждает, что хотя они имеют разрозненный и опосредованный характер, все же говорят в пользу того, что имело место именно два более или менее значительных и более или менее сопоставимых переселения. Полагаясь на эти источники, автор предлагает сместить верхнюю планку для первого этапа переселения к 1770 г., «так как тогда произошла осада Бендерской крепости и переход части ногайцев в российское подданство» [80, с.109, 111]. Русский исследователь Н. Лашков указал на прямую связь русско-турецких войн второй половины XVIII – первой трети XIX в. с переселением болгар в Бессарабию. По его подсчетам наблюдались три массовых переселения: после русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и во время войн 1806-1812 гг. и 1830-1834 гг. О нескольких этапах переселения говорит и Г. Мунтяну-Мургоч. Он делит их на три незначительных – 1769-1770 гг., 1789-1792 гг., 1806-1812 гг., и одно самое массовое,

после 1828 г. [90, с.20]. В свою очередь Шт.Чобану напрямую связывает миграционные волны с русско-турецкими войнами: 1768-1774 гг., 1787-1791 гг., 1806-1812 гг. и 1828-1829 гг. [88, с.34]. Со своей стороны, Ал. Арборе предложил периодизацию, состоящую из трех крупных валов: 1769-1791 гг., 1801-1812 гг., 1828-1829 гг. [85, с.20-21]. Д.Минчев, опираясь на источники, приводит свою периодизацию: 1752-1754 гг., 1769-1774 гг., 1787-1792 гг., 1792-1804 гг., 1806-1812 гг. и 1828-1829 гг. [89, с.9]. Другой румынский деятель К.Брэтиану делит колонизацию Буджака на два массивных вала: 1787-1791 гг. и 1806-1812 гг. [86, с.75]. Более обширна периодизация В.Дяковича, который предложил восемь периодов переселения: I-й период – до 1769 г., II-й – 1769-1774 гг., III-й – 1787-1791 гг., IV-й – 1792-1806 гг. (кърджалийски години), V-й – 1806-1812 гг., VI-й – 1828-1829 гг., VII-й – 1853-1856 гг. и VIII-й – после 1856 г. [27, с.78-85]. Относительно процесса заселения земель и освоения новых территорий, исследовательница Е.Белова выделила четыре больших этапа: I – вторая половина XVIII в., период единичного переселения болгар; II – 1800-1827 гг. – этап трех миграционных волн, для данного этапа не указываются точные хронологические отрезки переселений; III этап делится на два периода: первый – 1828-1829 гг., по мнению автора на данном этапе эмиграция носила единичный характер; второй период – около 1829-1830 гг., для него показательна массовая миграция болгарского населения из Болгарии в Россию и Дунайские княжества; третий период включает 1831-1834 гг. – реэмиграция болгар, которая являлась следствием того, что малоимущие болгары не стремились удержаться на новом месте; IV этап автор связывает с политической обстановкой в 50-60-х гг. XIX в. в Юго-Восточной Европе [9, с.222-224].

Расходятся исследователи в данных, отражающих общее количество болгар в Бессарабии до начала XIX в. Так, А.Скальковский утверждает, что так называемые «старые болгары», т.е. те, кто проживали в Бессарабии между 1769 и 1791 гг., насчитывали до 2000 душ обоих полов [72, с.4-5]. Молдавские болгаристы И.Грек и Н.Червенков отмечают лишь, что до русско-турецкой войны 1806-1812 гг. здесь проживало 8 000 задунайских переселенцев [17, с.12-13]. В свою очередь А.Шабашов, опираясь на «Ведомости о числе семейств задунайских переселенцев 1818 г.», пришел к выводу, что «старых болгар» насчитывалось 2 294 семьи или 11 080 человек [80, с.108-109]. Относительно общей численности болгарских переселенцев в пределах Российской империи также нет точных данных. Так, например, В.Кабузан, основываясь на архивных данных, пришел к выводу, что к 1761 г. в Новосербии проживало всего 6305 душ обоого пола [36, с.54]. В.Синица утверждает, что к 1764 г. максимальное число славяно-сербских поселенцев не превышало 10 тысяч человек. В то же время, по его мнению, общее число поселенцев в Новосербии и Славяносербии составляло до 25 тысяч, «главным образом, из Османской империи и австрийских владений» [71, с.16]. Как видим, исследователи не выделяют из этой общей массы болгар. Более точен В.Мильчев, определивший, что к 1770 г. в бассейне р.Синюха (приток бассейна Южного Буга) проживало около 4 000 болгар [52, 84]. В другой статье тот же автор утверждает, что на самом деле численность болгар была большей. Для её установления он предлагает провести анализ антропонимии имен, фамилий, прозвищ, этнонимов переселенцев, которые отмечались в официальных документах. Но и в данном случае исследователь признает, что существует опасность в ошибочной трактовке данных [56, с.140-144]. Со своей стороны Ст.Дойнов, опираясь на источники, утверждает, что к началу русско-турецкой войны 1806-1812 гг. во всем Новороссийском крае проживало не менее 17 000–18 000 болгар [23, с.299-301; 22, с.65].

Частично в историографии прослеживается положение болгар в помещичьих имениях Бессарабии. Исследовательница Е.Белова отметила, что до начала XIX века болгар в Бессарабии, ввиду их малочисленности, не рассматривали как народность, способную заселить новые земли на юге. Согласно её утверждению, это являлось одним из факторов поселения болгар на помещичьих землях рядом с молдавскими цэранами (крестьянами) [9, с.74]. О тяжелом положении переселенцев в боярских имениях говорил Ст.Дойнов, и, по его мнению, это являлось одним из факторов их бегства на свободные земли юга Бессарабии [22, с.169-170]. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, И.Грек и Н.Червенков приводят ошибочные данные о хронологии появления первых селений задунайских переселенцев. Например, они утверждают, что колонии Татар-Копчак и Бешгиоз были основаны в 1791 г., что, по нашему мнению, не соответствует действительности. Отметим в данном контексте, что такими неточностями грешат многие краеведы, датирующие ранние поселения болгар в Буджаке. Считаем, что к заблуждению исследователей привела «Перепись задунайских переселенцев в Бессарабии 1818 г.»

где отмечается, что в отдельном селении расположились две группы иммигрантов: те, которые «переселились в предпоследнюю войну 1787-1792 гг.», и семьи, «перешедшие в последнюю войну 1806-1812 гг. и после оной». Проанализировав списки, мы установили, что в документах отмечалось не время поселения в будущей колонии, а дата перехода в Бессарабию и последовавшего устройства на помещичьих землях и в других молдавских селениях. Подчеркнем, что эти списки уже являлись объектом исследования. В частности, они впервые были опубликованы М.Попруженко, который, к сожалению, не проанализировал их подробно [66, с.10-20]. Стоит отметить, что данный вопрос затронули и молдавские исследователи Г.Кышлалы и Л.Реулец. В ряде статей ими были уточнены недостатки этих списков и более того – данные были дополнены новыми архивными сведениями. Авторы установили, что отражая однородную в целом социальную среду переселенцев, документы переписи содержат единичную информацию о выходцах из дворян, сведения об участниках Болгарского земского войска (онбаши и булюкбаши), духовных лицах, старостах и ворниках в каждом селении. Ими также была поднята на новый исследовательский уровень проблема так называемых внутренних переселений болгар, когда колонисты селились в помещичьих селениях, а затем переходили на казенные земли Буджака. Отражены миграционные процессы из одной колонии в другую, а также предпринята попытка выявления количественного и социального состава переселенцев. На основе архивных документов ими определены и некоторые исходные селения переселенцев в болгарских землях и установлены даты переселения в Бессарабию [41, с.141-154; 69, с.92-106; 42, с.95-105]. В свою очередь молдавский историк И.Киртоагэ, описывая Буджак, утверждает, что во многих селениях, где проживали болгарские переселенцы, селились румынские иммигранты. Кроме того, в некоторых колониях им были выявлены «коренные румыны». Некоторые данные автора вызывают сомнения. Во многом приводимые статистические показатели сводятся к предположению, что, например, в «таком-то селении могло бы проживать столько-то румын», или «не исключено, что среди «старых колонистов» могли быть и коренные румыны» [87, с.154, 167]. По вопросу устройства болгар в бессарабских городах Кишинев и Измаил И.Дундаров и В.Пелин представили опубликованные архивные документы из Национального архива Республики Молдова. Эти источники имеют характер господарских грамот, которые давали разрешение болгарам оседать в городах. С их помощью можно установить количественный состав переселенцев этого периода. Эти документы отражают также заинтересованность администрации Молдавского княжества в привлечении болгарских торговцев именно в города [26].

В историографии ощущается недостаточность в подробном изучении социального состава переселенцев этого периода. Первые шаги по специальному изучению болгарского дворянского сословия были сделаны П.Павловым. Однако он на основе уже изданных источников описал род Стояна Прочелника, служившего при молдавском господарском дворе в XIV–XV вв. и входившего в Господарский совет [62, с.107-112]. Относительно болгар – представителей высшего сословия в XVIII в. интересные документы были обнаружены молдавским историком С.Бакаловым. Им, в частности, установлено, что среди переселенцев интересующего нас периода находились и представители зажиточного класса, которые в Бессарабии стали крупными собственниками земли и дворянами. В данном контексте представляет интерес его статья о болгарском роде Главче, представители которого в 80-е–90-е гг. XVIII в. переселились в Молдавское княжество, а затем перешли в Бессарабию. На основе архивных данных явствует то, как из простых купцов они стали молдавскими боярами, а затем и бессарабскими дворянами [6, с.81-94].

Существует также определенный пробел относительно истории первых поселений задунайских переселенцев в Буджаке. Имеющиеся краеведческие работы по истории таких сел, как Авдарма, Конгаз, Гайдары, а также города Вулканешты, содержат ощутимые неточности как в вопросе датирования основания этих населенных пунктов, так и в определении прародины переселенцев. Так, например, в работе по истории села Гайдар П.Чеботарь, опираясь на те же «Списки задунайских переселенцев в Бессарабии 1818 г.», о которых мы говорили выше, ошибочно считает, что оно было заселено после русско-турецкой войны 1787-1791 гг. [79, с.3]. В таком же контексте написана работа по истории села Конгаз. Авторы хотя и принимают за основу официально установленный 1811 г. как дату образования села, все же выражают уверенность, что оно возникло «намного раньше» [76, с.13]. В периодизации основания города Вулканешты С.Булгар доходит до 1732 г., указывая на некий список, в котором можно распознать фамилии и имена жителей Вулканешт того времени. Более того, он сообщает, что

населенный пункт с таким названием зафиксирован в 1605 г. [13, с.5]. Считаем, что в дальнейших исследованиях особенно краеведы должны применять широкий спектр архивных источников (журналы общественного правления, рапорты, допросы и т.д.), в первую очередь тех, что касаются бегства переселенцев из помещичьих владений на казенные земли. Эти документы, как уже было отмечено выше, широко представлены Г.Кышлалы и Л.Реулец [41, с.141-154]. Отметим лишь, что процесс датирования сел является сложным. Историки по разному подходят к этому вопросу. До начала XIX в. мы не располагаем официальными датами об основании болгарских сел, которые зафиксировали бы молдавские документы. Существующее на данный момент датирование было представлено позднее царскими чиновниками, как например А.Скальковским, на основе личных наблюдений и общений со старожилами [71]. Это, в свою очередь, говорит о необходимости критического подхода к существующей информации.

Почти не изучен вопрос об определении исходных пунктов переселенцев в болгарских землях. В историографии были предприняты неудачные попытки в этом плане, когда указывались исходные села без опоры на архивный документ [79, с.3]. Историками и краеведами не учитываются также публикации по истории сёл, предпринятые в Болгарии, в которых можно найти достаточно данных о переселении именно в этот период [61; 31; 34]. В качестве основного источника могут служить также документы, опубликованные И.Дундаровым, В.Пелином, Г.Кышлалы и Л.Реулец. В этих источниках прослеживается информация о некоторых населенных пунктах в Болгарии, откуда выехала часть переселенцев [26; 41, с.141-154]. Посредством анализа некоторых болгарских фамилий, имеющих в архивных списках (ревизских сказок, метрических книг), также можно установить места, откуда прибыли переселенцы. Так, например, в некоторых случаях встречаются фамилии, созвучные родному городу или селу переселенца: например, Гено Эдернели означало, что, вероятно, он происходил из города Адрианополя или одноименного округа, и т.д.

Вышеизложенное свидетельствует, что, к сожалению, в исследуемой нами историографии по данному вопросу существуют определенные пробелы, требующие дальнейшего исследования. Все ещё слабо исследована проблема появления и устройства первых переселенцев на территории Бессарабии в указанный хронологический период. До сих пор не установлена общая численность, а также социальный состав болгарских переселенцев этого периода. Не выработана единая периодизация переселенческих волн из болгарских земель в пределы Пруто-Днестровского Междуречья. Почти не изучен вопрос о темпах переселенческого движения болгар в Бессарабию. Не установлено, откуда, из каких регионов и населенных мест прибывали из болгарских земель переселенцы, и не указаны места, через которые проходили переселенцы на пути в Северное Причерноморье. Не выявлено соотношение свободной народной колонизации и официально дозволенного и регулируемого царскими властями переселенческого движения. Почти не затронута также проблема реэмиграции болгар в пределы Дунайских княжеств. Наконец, неполно рассмотрен вопрос о взаимоотношениях болгарских переселенцев, молдавских помещиков и властей. Все это требует дальнейших более подробных научных изысканий с привлечением архивных материалов.

Литература:

- АНДРЕЕВ, А. Сведения за българи в Северното Черноморие през XVII век. В: *БСП. Изследвания и материали*. Том втори. Велико Търново, 1993, с.84-93.
- АСТВАЦАТУРОВ, Г. Переселение болгар в левобережное Поднепровье в конце XVIII века. В: *Relațiile moldo-bulgare*. Chișinău, 1998, с.81-85.
- АТАНАСОВ, Г., ЛИПЧЕВ, Р., ДОНЧЕВ, К., ХИНЕВА, М., МАРИНОВ, М. *История на Алфатар*. Алфатар: Издава Община, 1995. 224 с.
- АТАНАСОВ, П. *Българо-руски литературни връзки през XVII–XVIII в.* София: Наука и изкуство, 1986. 166 с.
- Югославяне в России в 50-70 гг. XVIII века. В: *Югославенские земли и Росија у XVIII веку*. Београд. 1986, с.226-228.
- БАКАЛОВ, С. Главче: молдавский боярский и бессарабский дворянский род болгарского происхождения. В: *Бессарабските българи: история, култура и език*. Кишинев, 2014, с.81-94.
- БАЧИНСКИЙ, А. Българи в Отвътдунавската Сеч. В: *Векове*. София, 1974, № 2-3, с.30-31.
- БАЧИНСКАЯ, Е. Болгары в казачьих формированиях южной Украины в конце XVIII–XIX в. В: *БСП*. Том седми. Велико Търново, 2000, с.283-286.

9. БЕЛОВА, Е. *Миграционна политика на юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871)*. Москва: РГОТУПС, 2004. 230 с.
10. БЕРНШТЕЙН, С. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. В: *Советское славяноведение*. Москва, 1980, № 1, с.42-59.
11. БОГДАНОВ, И. *Тринадесет века българска литература*. Том 1. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1999. 440 с.
12. БОЙЧЕВА, П. Към въпроса за участието на среднобългарската литература в церковно-политическия живот на Молдова през XV–XVI в. В: *БСП*. Том първи. Велико Търново, 1992, с.82-91.
13. БУЛГАР, С. *Страници истории города Вулканешты*. Часть первая. Кишинев: Tipografia Centrală, 2010. 688 с.
14. ГАВАЗОВ, М. *Алфатарские болгары в Олшанка: минало, бит, съвремие: 230 години от тяхното изселване*. Силистра: Ковачев, 2004. 98 с.
15. ГАНЧЕВ, А. Процесс адаптации болгарских переселенцев к новым условиям Бессарабии на протяжении первой половины XIX века. В: *Одеска болгаристика*. Одеса, 2005-2006, № 3-4, с.13-24.
16. ГАРАБЕДЯН, А., КОМСАЛОВА, Р. Переселение болгар и сербов в Россию во время Петра Великого и его наследников. В: *Сеоба Срба у Руско царство половином 18 века*. Нови Сад, 2005, с.146-163.
17. ГРЕК, И., ЧЕРВЕНКОВ, Н. *Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще*. София: Издателска къща Христо Ботев, 1993. 296 с.
18. ДЕГТЯРЕВ, Ю. Сказание о земле Славяносербской. В: *Сеоба Срба у Руско царство половином 18 века*. Нови Сад, 2005, с.222-242.
19. ДЕРЖАВИН, Н. *Българския колонии въ Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)*. Материалы по славянской этнографии. Сборник за народни умотворения. София, 1914. Кн. XXIX. 224 с.
20. ДИМИТРОВ, Д. Болгарское переселение в Украину и Крым (К истории южно-славянских передвижений XVIII–XIX вв.). В: *Ленинградский государственный историко-литературный институт / Сборник работ студентов-выдвиженцев, аспирантов и научных работников*. Ленинград, 1931, с.1-19.
21. ДИМИТРОВ, С., МАНЧЕВ, К. *История на балканските народи*. София: Парадигма, 1999. 431 с.
22. ДОЙНОВ, С. *Българите в Украйна и Молдова през Възраждането (1751–1878)*. София: АИ «Марин Дринов», 2005. 362 с.
23. ДОЙНОВ, С. Преселнически движения от българските земи по време на руско-турските войни през първата половина на XIX в. В: *Българското Възраждане и Русия*. София, 1981, с.290-316.
24. ДОЙНОВ, С. Първите български военно-земледелски селища в Русия през XVIII век. В: *БСП*. Том седми. Велико Търново, 2000, с.273-282.
25. ДРОСНЕВА, Е. Аполон Александрович Скалковски и българите (предварителни бележки). В: *БСП*. Том първи. Велико Търново, 1992, с.101-113.
26. ДУНДАРОВ, И., ПЕЛИН, В. *Грамотите на молдовските князе за приемането и настаняването на българите в Молдова през 1790-1810 г.* Ямбол: Изд. Къща «Жельо Учков», 2005. 148 с.
27. ДЯКОВИЧ, В. *Българска Бесарабия. Историко-этнографски очеркъ съ спомени за генерала Иван Колев отъ съучениците му по гимназия съ отечественици: Вл. Дякович, Д. И. Николаев, П. Бачурски и др К. Бачурски*. София: Печатница на Акц. Д-во «Радикал», 1918. 246 с.
28. Българските колонии в Русия. В: *Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец*. Средец, 1891, № 37-38, с.177-193; 1892, № 39, с.378-385; 1895, № 48, с.849-898.
29. ЗАЩУК, А. Этнография Бессарабской области. В: *ЗООИД*. Одесса, 1863, Т.V, с.491-586.
30. ЗЕЛЕНЧУК, В. *Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в.: Этнические и социально – демографические процессы*. Кишинев: Штиинца, 1979. 288 с.
31. ЗЛАТЕВ, Л., ДИМИТРОВ, И. Етнодемографско развитие на Русе и Русенско през османското иго (XV–XIX в.). В: *ИПр*. София, 1986, кн.10, с.58-68.
32. ИРЕЧЕК, К. *Княжество България*. Т. 2. Пловдив: Издател Хр. Данов, 1899. 943 с.
33. *История на България*. Том 4. София: Издателство БАН, 1983. 402 с.
34. *История на град Ямбол*. Съст. Ж. АТАНАСОВ. София: Отечествен фронт, 1976. 541 с.
35. *Енциклопедия «България»*. Том 5. София: Издателство на БАН, 1986. 890 с.
36. КАБУЗАН, В. *Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858)*. Москва: Наука, 1976. 306 с.
37. КАЛЧЕВ, К. *Българската етническа общност в Бесарабия (XIX-XX в.)*. Възникване, развитие, принос в общонационалните процеси. Велико Търново: Унив. Изд. «Св.св. Кирил и Методий», 2009. 262 с.
38. КАНДАУРОВА, Т. Военные поселения в Европе и России XVIII–XIX веков. В: *Новая и новейшая история*. Москва, 2010, № 5, с.84-109.
39. КАПТЕРЕВ, Н. *Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях*. Сергиев Посад: Издание книжного магазина М.С. Елова, 1914. 592 с.

40. КЛАУС, А. *Наши Колонии. Материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России*. Вып. I, СПб.: В типографии В.В. Нусвальта, 1869. 641 с.
41. КЫШЛАЛЫ, Г., РЕУЛЕЦ, Л. Архивные источники о формировании гагаузского и болгарского населения Буджака в начале XIX века (источниковедческий анализ). В: *Курсом развивающейся Молдовы*. Т. 10. Москва, 2010, с.141-154.
42. КЫШЛАЛЫ, Г., РЕУЛЕЦ, Л. Перепись задунайских переселенцев в Бессарабии 1818 г.: именные списки и итоговые ведомости. В: *Бессарабските българи: история, култура и език*. Кишинев, 2014, с.95-105.
43. *Бессарабия. К столетию присоединения к России. 1812–1912 гг. Географический и историко-статистический обзор состояния края*. Кишинев: Тип. Бессарабского губернского правления, 1912. 231 с.
44. КОСТИЋ, М. Српска насеља у Русији – Нова Србија и Славеносрбија. В: *Српски етнографски зборник*, књ XXVII, Београд, 1923, с.1-135.
45. МАТКОВСКИ, А. *Македонският полк во Украйна*. Скопје: Мисла, 1985. 288 с.
46. МЕЩЕРЮК, И. *Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828-1834 гг. (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей)*. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1965. 208 с.
47. МИЛЬЧЕВ, В. Два хусарски полка с българско участие в системата на държавната военна колонизация в южна Украйна (1759–1762/63). В: *Исторически преглед*. София, 2002, № 5-6, с.154-165.
48. МИЛЬЧЕВ, В. Ролята на австро-турското съперничество на Балканите за преселването на българи в Руската империя през първата половина на XVIII в. В: *Списание на българската академия на науките*. София, 2010. Кн. 6, с.26-33.
49. МИЛЬЧЕВ, В. С Дуная на Синюху: к истории заселения Ольшанки алфатарскими болгарами. В: *Очерки истории, языка и культуры ольшанских болгар*. / Под общ. ред д.и.н., проф. В. И. Мильчева. Киев: Скиф, 2013, с.157-168.
50. МИЛЬЧЕВ, В. Болгари в системі іноземної цивільної колонізації в Україні (1762–1768 рр). В: *Българска Бесарабия* (Страници от историята на българите в Бесарабия и Приазовието). Випуск втори. Болград, 2003, с.30-42.
51. МИЛЬЧЕВ, В. Болгарський гусарський поселений полк (1776–1783). В: *България: метрополия и диаспора* / Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков. Кишинев, 2013, с.74-81.
52. МИЛЬЧЕВ, В. Болгарські переселенці на землях запорозьких казаків під час російсько-турецької війни 1768–1774 років: між антипатією та компліментарністю. В: *БСП. Изследвания и материали*. Том девети. Одеса, 2006, с.77-84.
53. МИЛЬЧЕВ, В. *Болгарські переселенці на півдні України. 1724–1800 рр*. Київ-Запоріжжя: Тандем-У, 2001. 198 с.
54. МИЛЬЧЕВ, В. Внесок господарств болгарських переселенців в аграрну інфраструктуру південної України XVIII ст. В: *Дриновський збірник*. Т. IV. Харків-Софія, 2011, с.435-443.
55. МИЛЬЧЕВ, В. Перше поселення болгар-колоністів в Україні: з історії виникнення Борщагівської колонії у 1765 р. В: *Музейний вісник*. Запоріжжя, 2011 Вип. 11 (2), с.213-222.
56. МИЛЬЧЕВ, В. Проблема ідентифікації болгар у загальнобалканській імміграційній хвилі до Південної України у XVIII ст. В: *Південна Україна: проблеми історичних досліджень*. Збірник наукових праць. Частина I. Миколаїв, 1998, с.140-144.
57. МИХНЕВА, Р. Български преселници на служба в Русия през 30-те и 40-те години на 18 век. В: *ВЕКОВЕ*. София, 1979, № 6, с.74-75.
58. МУРАВЬЕВ, А. *Сношение России с Востоком по делам церковным*. Том 1. СПб: В типографии III Отделения Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1858. 367 с.
59. МУРТУЗАЛИЕВ, С. Емиграция на българи в Пруто-Днестровското междуречие през XV в. – началото на XVII в. В: *БСП*. Том втори. Велико Търново, 1993, с.74-82.
60. МУТАФЧИЕВА, В. *Кърджалийско време*. София: Издателство на БАН, 1993. 415 с.
61. НАЧОВ, Н. *Калофер в миналото, 1707–1877*. София: Калоферска дружба в София, 1927. 654 с.
62. ПАВЛОВ, П. Родът на стоян Прочелник – стар български болярски род в Молдова през XIV–XV вв. В: *БСП*. Том трети. Велико Търново, 1994, с.107-112.
63. ПЕТКОВ, С. *Болгарская диаспора в Украине: правовое положение (XVII–XIX вв.)*. Запорожье, 1997. 66 с.
64. ПИСАРЕВСКИЙ, Г. *Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам)*. Москва: Печат. А.И. Снегеревой, 1909. 342 с.
65. ПИШЧЕВИЋ, С. *Мемоари*. Нови Сад: Матица српска; Београд: Српска књижевна задруга, 1972. 620 с.
66. ПОПРУЖЕНКО, М. Из материалов по истории славянских колоний в России. В: *ЗООИД*. Одесса, 1910, Т. XXVIII, с.1-34.
67. РАЙКОВ, Д. *Българите и България в старата руска книжнина: Свидетелства за българското историческо и ръкописно наследство в руската книжнина от XVIII и XIX век*. София: Лубомъдрие, 2002. 384 с.

68. РАЙКОВ, Д. *Българите и България в чуждестранната книжнина: Свидетелства за българското историческо наследство в чуждестранната книжнина от епохата на Възраждането*. София: Отечество фронт, 1989. 464 с.
69. РЕУЛЕЦ, Л., КЫШЛАЛЫ, Г. Первая перепись задунайских переселенцев в Бессарабии как исторический источник. В: *България: метрополия и диаспора* / Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков. Кишинев, 2013, с.92-106.
70. РУСЕВ, П., ДАВИДОВ, А. *Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература*. София: Издателство на БАН, 1966. 198 с.
71. СИНИЦА, В. Проблема югославянской эмиграции в русской политике 50–60-х годов XVIII в. В: *ВБГУ*, сер. III, 1974, № 1, с.14-18.
72. СКАЛЬКОВСКИЙ, А. *Болгарскія колоніи в Бессарабіи и Новороссійскомъ крае. Статистическій очеркъ А. Скальковскаго*. Одесса: Въ Типографіи Т. Неймана и Ко., 1848. 132 с.
73. ТИТОРОВ, Й. *Българите в Бесарабия*. София: Печатница на Г.А. Ножаров, 1903. 335 с.
74. ТРАЙКОВ, В., Жечев Н. *Българската емиграция в Румъния XIV век–1878 година и участието и в стопанския, обществено-политическия и културния живот на румънския народ*. София: Наука и изкуство, 1986. 390 с.
75. ТЮТЮНДЖИЕВ, И. Български военни формирования в Украйна през XVIII век. В: *БСП*. Том четвърти. Велико Търново, 1995, с.131-136.
76. ФРАНГУ, Ф., ФУРТУНЭ, П., ФУРТУНЭ, А. *Конгаз*. Кишинев: б.и., 2012. 500 с.
77. ХАЙДАРЛЫ, Д. Юг Пруто-Днестровского междуречья в XVII–начале XIX вв.: этно-миграционные аспекты. В: *Курсом развивающейся Молдовы*. Т.2. Москва, 2007, с.480-496.
78. ХЕВРОЛИНА, В. Из истории создания сербских военных формирований в России. В: *Югославенские земли и Росија у XVIII веку*. Београд. 1986, с.203-221.
79. ЧЕБОТАРЬ, П. *Село Гайдар*. Кишинев: Pontos, 2012. 132 с.
80. ШАБАШОВ, А. К вопросу о переселении болгар и гагаузов в Российскую империю и Бессарабию. В: *България: метрополия и диаспора* / Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков. Кишинев, 2013, с.107-117.
81. ШЕВЧЕНКО, Ф. Сърби і болгари в українському козацькому війську XVII–XVIII ст. В: *Питання історії та культури словян*. Київ: 1963, ч.1, с.67-86.
82. ШИШМАРЕВ, В. *Романские поселения на юге России*. Ленинград: Наука, 1975. 244 с.
83. ЦВИРКУН, В. Переселение из Юго-Восточной Европы в Россию в XVIII в. (вопросы периодизации). В: *Россия и Юго-Восточная Европа*. Кишинев, 1984, с.54.
84. ARBORE, Z. *Basarabia în secolul XIX*. București: Institutul de Arte Grafice „Carol Göbl”, 1898. 642 p.
85. ARBORE, A. *Informațiuni etnografice și mișcări de populațiune în Basarabia sudică și în Dobrodjea în veac.XVIII – XIX cu specială privire la coloniile din aceste regiuni*. Cernăuți: B. Vacarescu, 1929. 106 p.
86. BRĂTIANU, C. *La Bessarabie. Droits nationaux et historiques*. Bucarest: Editura: Semne, 1943. 205 p.
87. CHIROAGĂ, I. *Din istoria Moldovei de Sud-Est: Până în anii '30 ai sec. al XIX-lea*. Chișinău: Museum, 1999. 224 p.
88. СЮBANU, Ș. *Basarabia. Populația, istoria, cultura*. Chișinău: Știința, 1992. 155 p.
89. MINCEV, D. *Bulgarii din Basarabia de sud*. Constanța: Imprim. „Grafica modernă”, 1938. 48 p.
90. MUNTEANU–MURGOCI, G. *La population de la Bessarabie: étude démographique avec cartes et tableaux statistiques avec cartes et tableaux statistiques*. Paris: S.T., 1920. 80 p.
91. NISTOR, I. Populația Basarabiei 1812–1918. В: *Arhiva pentru știința și istorie socială*. București, 1919. an. I, № 1, p.86-96.
92. POPESCU, I. *Basarabia. Studiu istoric, politic, etnografic*. Chișinău: Tipografia Eparhială „Cartea Românească”, 1932. 118 p.

Prezentat la 15.02.2015